

Алан Зильберштайн: если человек носит поддельные часы, то и сам он — подделка

КОММЕРСАНТ. - 2005. - 6 июня. - с. 22

конкурс дизайн

В Москве завершился конкурс инновационного дизайна DIA (см. „Ъ“ от 4 июня).

После вручения наград судья по промышленному дизайну АЛАН ЗИЛЬБЕРШТАЙН, создатель знаменитой марки часов Alain Silberstein, провел мастер-класс и встретился с ГРИГОРИЕМ РЕВЗИНЫМ.

— Вы известны во всем мире как создатель часов. Дизайн часов — узкоспециализированная область, но в Москве вы выступали как универсальный дизайнер и оценивали конкурс, на котором часов не было представлено. Было интересно?

— Вообще-то дизайнер должен быть специализированным. Не потому, что этого очень хочется, а потому, что сегодняшняя промышленный дизайн слишком зависит от технологий, а знать все технологии во всех областях немыслимо. Я, впрочем, не всегда занимался часами: до конца 80-х годов, когда я придумал, как делать часы, я работал как дизайнер интерьера.

Но, с другой стороны, существуют общие принципы дизайна, универсальные, и, ясно отдавая себе отчет в них, можно судить о лучших произведениях дизайна. Разумеется, это будет ваша индивидуальная оценка, но этот конкурс так и придуман, что судья — один и оценки — индивидуальные. Я, как вы знаете, присудил премию Владиславу Кропачеву за шприц-кнопку. В этой вещи немного дизайна, зато много изобретения. Вы спросили, было ли мне интересно, — могу сказать, что профессионально я несколько разочарован. Не из-за количества и качества идей — их много, а из-за способа подачи. Все работы подаются в виде компьютерных моделей. Но оценить дизайн в компьютере очень трудно, нужно иметь возможность пощупать вещь, оценить ее вес, фактуру. Иначе вы оцениваете чистую идею, а в сфере идей шприц-кнопка, на мой взгляд, лучшая.

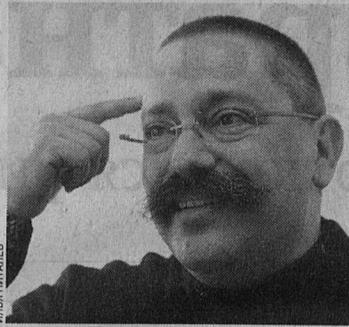
— В России нет школы изготовления прототипов.

— И очень плохо. Я бы не сделал ни одного часов, если бы сначала не создал прототип своими руками.

— И какие же принципы дизайна могут соединить между собой шприц-кнопку и люксовые часы от Алана Зильберштайна?

— Я основываюсь на идеях школы «Баухауз». На мой взгляд, это универсальные принципы, которые определяют философию вещи. Вещь должна быть подлинной, честной, и дизайн должен следовать из ее сущности, выявлять ее, а не украшать вещь.

— Вам не кажется, что дизайнерские идеи «Баухауза», выдвинутые в 20-е годы, сегодня выглядят как-то арха-

ично? Все же с тех пор мир сильно изменился.

— Я, разумеется, ценю многое из того, что возникло потом. Мне, скажем, нравятся идеи группы «Мемфис», идея вещи как выброса эмоции. Я, скажем, делаю свои часы достаточно ироничными, мне нравится, когда они вызывают улыбку: я все же француз. Но что касается «Баухауза», то речь идет именно об универсальных принципах. Я ненавижу людей, которые считают, что, раз мир изменился, нам не нужно прошлое, которые не дают себе труда изучить историю искусств и пытаются изобрести что-то новое. Для меня такие фигуры, как Пауль Клее или Василий Кандинский, остаются фигурами не из прошлого, а универсальными, на все времена.

— Да, действительно, в ваших часах видны и Клее, и Кандинский. Сама уникальность вашей часовой марки в том, что вы впервые соединили авангард со швейцарскими часами. Но ведь «Баухауз» — это школа дизайна вещей массового потребления, дешевых вещей. Сегодняшнее массовое производство товаров, срок жизни которых — год, дизайн мусора — вот развитие этих идей. Вы же делаете вещи уникальные, работаете с рынками роскоши. Нет ли здесь противоречия? Сегодня в Москве легко купить подделки под ваши часы, и вот это, на мой взгляд, «Баухауз», массовое производство. Но оригиналы — это ведь нечто иное.

— Что касается подделок, то они противоречат главной идее — подлинности вещи. И если человек носит поддельные часы, то и сам он — подделка. Я не могу уважать такого человека. Это свидетельство популярности, но мне не нужна такая популярность. Я не хочу об этом говорить, это противно. Есть вещи, а есть контексты их продажи и потребления, и не нужно путать одно с другим. Рынок роскоши — только один из контекстов, противостоящих рынку массового потребления. Есть другие контексты за пределами Европы, за пределами общества потребления. Возьмите, скажем, Японию. Меня поражает японское отношение к вещи: японцы воспринимают вещи как живые существа. Вы ее сделали — значит вы ее оживили. Вы ее выбросили — вы ее убили. Вот критерий подлинности вещи — ее переживание как живого. Или

возьмите ремесленников Индии, даже Африки. Это потрясающие вещи, которые они делают руками, без высоких технологий; вещи сохраняют память этих рук, их уникальность. И это вопрос, насколько идеи «Баухауза» связаны с идеологией массового производства вещей-однодневок. Где больше подлинной вещи — в уникальных изделиях, несущих в себе идею живого существа, непотеримого, которое, может быть, и не живет вечно, но смерть которого — это трагедия, или же в пластмассовой одноразовой вилке.

— Или одноразовой кнопке-шприце?

— Это другое дело, тут одноразовость оправдана функционально. Старые шприцы очень красивы, но могут быть вредны для здоровья. Они были оправданы в условиях элитарной медицины, когда врачей было мало и они были как художники. Знаете, что такое старая профессия медицины? Это же маг. А теперь, когда медицина стала массовой, нужны другие решения. Я не думаю, что «Баухауз» как-либо ответственен за массовое производство. Я думаю, что это была попытка привить принципы подлинной вещи массовому производству, внедрить туда качество настоящего изделия. Это был рецепт, и этот рецепт не вполне использован. Победила другая тенденция — не как сделать дизайн, чтобы массовая вещь не была мусором, а как сделать дизайн, чтобы мусор хорошо продавался.

— А как работают идеи «Баухауза» на рынке роскоши?

— Рынок роскоши — это опять же тип потребления, а не тип вещи. Специфический тип потребления, который сохраняет особый статус вещи, и именно этим он для меня ценен. Вещь, способная функционировать на рынке роскоши, отличается совсем не качеством дизайна, а качеством исполнения, ну и, разумеется, материалами. Здесь есть несколько аспектов, которые очень интересны для дизайнера. Во-первых, сами эти материалы спасают вещь от уничтожения. Изделие из пластмассы, пластика может стать мусором, а из платины и бриллиантов — вряд ли. То есть сами материалы настраивают потребителя на идею подлинной вещи, заставляют правильно к ней относиться. И, кроме того, здесь соединяются хай-тек и старые технологии. Я говорю о часах, и это очень интересно, потому что здесь сложнейшая современная инженерия соединяется с механической маэстрией европейского Просвещения. Понимаете, когда в этот процесс встраивается авангард XX века, он как бы входит в ряд, даже, правильнее сказать, в механизм основных европейских ценностей. Это очень правильно. Это создает правильные вещи.